

С.М. Бриллиант

Микеланджело Буонаротти

Его жизнь и художественная деятельность

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
С11

С11 **С.М. Бриллиант**
Микеланджело Буонаротти: Его жизнь и художественная деятельность / С.М. Бриллиант – М.: Книга по Требованию, 2021. – 80 с.

ISBN 978-5-4241-2484-6

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

ISBN 978-5-4241-2484-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© С.М. Бриллиант, 2021

Семен Брилиант
Микеланджело Буонаротти. Его
жизнь и художественная
деятельность

Биографический очерк С. М. Бриллианта

С портретом Микеланджело, гравированным в Петербурге К. Адтом

Введение

Шекспир и Данте, Рафаэль и да Винчи, Колумб и Гутенберг, Савонарола, Лютер, Галилей и многие другие герои и гении разных веков и наций – одна обширная семья в человечестве. Части ее умирают, оставляя живые побеги, и целое растет, подобно коралловому рифу среди необозримого океана. Творения этих людей служат все одной цели – благу, счастьем человека, но характеры их различны. Богатое творчество Рафаэля, Гете, да Винчи отвечает характеру эпохи, они – лучший цвет или плод своего времени, но личная жизнь их почти не соприкасается с жизнью народа. Савонарола, Данте, Микеланджело, напротив, всеми фибрами своего существа принадлежат своему народу и живому организму человечества.

Микеланджело прежде всего – *характер*. Непримируемый и гордый, мрачный и суровый, он воплотил в себе все муки возрожденного человека – его борьбу, страдание, протест, неудовлетворенные стремления, разлад идеала и действительности. В семье знаменитых людей он один из тех, которым не современники и не история только дают название «великих», но характер которых сам по себе вызывает изумление и почти божественное почитание. Имя Виттории Колонна, знаменитой «дочери Возрождения», окружено целым рядом славных имен ученых, поэтов и мучеников. Они оставили огромное наследство будущим векам, но со смертью их угасло Возрождение. На этом Олимпе XVI века, среди полубогов и титанов Средних веков, среди лучших сподвижников прогресса того времени, Микеланджело занимает видное место. Недаром во дворе монастыря, где жила Виттория Колонна, на Монте-Кавалло в Риме, в кругу избранных лиц эпохи встречали его появление с глубоким почтением и внимали его словам, как речам пророка.

Микеланджело – предшественник и преемник Рафаэля в искусстве. Как творец нового искусства он заслуживает название Прометея XVI века. Тайно изучая анатомию в монастыре Сан Спирито, он, используя науку, похитил у природы священный огонь правдивого творчества. Его страдания – те же, что страдания скованного Прометея. Его характер, его речи, его вещее творчество и вдохновение, его протест против рабства тела и духа, его стремление к свободе напоминают библейских пророков. Подобно им он был бескорыстен, независим в отношении к сильным, добр и снисходителен к слабым.

Угрюмый, нелюдимый странник в жизни, он останавливался на улице, чтобы по просьбе ребенка сделать рисунок, и нередко отказывал в этом королям.

Одиноким, не испытав ни женской любви, ни нежного сочувствия, ни ласки, почти не зная искренней дружбы до 60 лет, до встречи с Витторией Колонна, он твердо шагнул по избранному пути, влагая в свой труд силы и волю титана, мысли пророка и полубога.

«Моисей» Микеланджело в самом деле видел Бога. «Я не могу созерцать природу столь широко открытыми глазами», – говорит о нем такой гений, как Гете.

Живопись и скульптура, сонеты Микеланджело и купол собора Св. Петра, его отношения к друзьям, к слуге, к народу и женщине – все говорит о глубоком содержании его души, о высоком уме и поэзии сердца.

Глубина содержания в его характере прикрывается одиночеством, сдержанной волей, суровой внешностью, ревностью к собственной славе и в то же время святым недовольством своим трудом. Все это придает особый таинственный, суровый, но необыкновенно интересный и прекрасный колорит его характеру и личной жизни.

В личной жизни Микеланджело отражается весь характер эпохи Возрождения гораздо глубже, чем в знаменитых мемуарах Челлини, которые являются, однако, неизменным дополнением его биографии. Сами события его жизни так тесно сплетаются с жизнью его эпохи, что отделить их друг от друга почти невозможно, и, несмотря на краткие размеры очерка, нам придется в нем отвести довольно значительное место истории.

«Единственная цель изучения истории – это одушевление», – говорит Гете. Изучение Возрождения дает особенно много в этом смысле, и история жизни Микеланджело – один из лучших эпизодов тогдашней эпохи. В жизни Микеланджело есть общее с жизнью всей Италии. Эта страна вечно давала всему миру идеал прекрасного; на ее почве рождались и росли семена истины, справедливости, гуманности и красоты, сама же она до сих пор не принадлежит к числу счастливых.

Глава I

Детство.

В понедельник 6 марта 1475 года, около 4 или 5 часов утра, родился ребенок мужского пола у подесты Кьюзи и Капрезе в замке того же имени, в горах Ареццо, в Италии. В семейных книгах старинного рода Буонарроти во Флоренции находится подробная запись об этом событии счастливого отца, скрепленная его подписью – ди Лодовико ди Лионардо ди Буонарроти Симони.

В восьмой день того же месяца совершен был обряд крещения, причем дитя получило имя Микеланджело, или – по флорентийскому правописанию – Микеланьоло.

Рождение ребенка – это событие в семье, в доме – было, конечно, незначительным явлением для мира, для современников. Мать покрывала поцелуями крошечные ручки, не зная, что впоследствии люди как святыню будут чтить каждый кусок камня или клочок бумаги, которых они когда-либо касались. Улыбаясь, слушали окружающие громкие крики ребенка, недовольного теми насилиями, которым обыкновенно подвергаются маленькие дети, но никто не думал, что это слабое существо явилось в мир живым протестом, пророком свободы, что тяжелый молот будет его орудием и его резец глубокими чертами запечатлеет в камне и мраморе вечный завет борьбы и протеста, любви к красоте и стремления к свободе.

Не странный ли случай, что два величайших гения в искусстве нового мира получили имена, вполне отвечающие их характерам. Один – Рафаэль. Под этим именем мы знаем ангела с пальмовою ветвью – воплощение кротости, сострадания и любви; другой – подобно архангелу Михаилу с его карающим мечом – апостол правды, мужества и справедливого гнева.

В трех милях от Флоренции лежит в горах селение Сеттиньяно. Здесь находилось небольшое поместье дома Буонарроти, и отец передал ребенка на руки кормилице, жене одного «скарпеллино» (каменотеса), когда сам он по окончании срока должности подесты Кьюзи и Капрезе вернулся с семьей во Флоренцию. Сеттиньяно было богато каменоломнями, и местные жители славились своим искусством обрабатывать камень; их вызывали на постройки в города и замки всей Италии, архитекторы и художники являлись в Сеттиньяно за материалом. «Рука Провидения видна во всем в жизни великого человека». Визг пилы, шум и звон молота заменяли Микеланджело колыбельные песни. Его руки рано окрепли, играя камнями и пробуя молот, когда он стал подрастать в Сеттиньяно.

Великий художник говорил впоследствии, смеясь, что любовь к своему «ремеслу» он всосал с молоком кормилицы.

Недаром с молоком кормилицы всосал ты
Резец и молоток; недаром от отца,
От почестей, тебе обещанных, бежал ты,
Манимый призраком волшебного резца.
Отмеченный Творцом и думами обилен,
Нося уж их следы на девственном челе,
Недаром с детских лет, как молот, был ты силен
И твердостью своей подобен был скале.

В самом деле, приблизилось время, когда в ребенке стал сказываться будущий гений. Наступила пора учения. Какой-то непонятный инстинкт у отцов, говорит А. Дюма, какая-то страсть – толкать детей на те дороги, которые им наиболее ненавистны. «Батюшка пламенно желал сделать из меня превосходного флейтиста», – говорил Бенвенуто Челлини – современник Микеланджело, также скульптор от Бога. Отец взял его из мастерской Бандинелли, где он делал большие успехи, и «снова, к величайшей своей горести, он принужден был приняться за флейту и не оставлял ее до 15 лет». «Я сделал большие успехи в проклятой игре на флейте», – пишет он приятелю. Флейта становится каким-то ужасным призраком в его жизни. Год, который он прожил без нее в Пизе, «показался ему раем». Даже во сне он видит отца, приказывающего ему принять место флейтиста при папском дворе, и он решается на это в ущерб своему искусству – в то время родительские права были еще священны.

И Микеланджело пришлось выдержать трудную борьбу с отцовской волей. Упорная настойчивость сына одержала, однако, победу. Интересна история этой глухой борьбы и победы.

Отец отдал Микеланджело в школу Франческо да Урбино во Флоренции, и мальчик должен был учиться склонять и спрягать латинские слова у этого первого составителя латинской грамматики. Конечно, как грамматика, так и школа были вызваны потребностями нового времени, говорили о «возрождении», о гуманизме. Но этот правильный путь, пригодный для смертных, был не тот, какой указывал инстинкт бессмертному Микеланджело. Мальчик был чрезвычайно любознателен от природы, но латынь его угнетала. Он убегал и прятался или разрисовывал стены школы, как и собственные тетрадки, углем и мелом. Уже в Сеттиньяно доставалось нередко мальчику по рукам за «пачкотню» на стенах родительского дома, и в прошлом веке туристам показывали еще эти реликвии, следы младенческих рисунков. Чудные произведения искусства во Флоренции влекли ребенка, и он нередко простаивал подолгу перед статуей на площади или в соборе по дороге в свою школу, не замечая оброненной книги или тетрадки.

Счастливые минуты принесла мальчику случайная дружба с прекрасным и талантливым юношей, старше его пятью годами. Это был Франческо Граначчи, ученик знаменитого тогда во Флоренции мастера Доменико Гирландайо. Благодаря дружбе с этим юношей Микеланджело стали доступны мастерские как Доменико, так и других славных мастеров того времени.

Учение шло все хуже и хуже. Огорченный отец приписывал это лени, нерадению, не веря, конечно, в призвание сына. Он мечтал для него о блестящей карьере, когда отдавал к Франческо, и имел на то право: гороскоп при рождении этого сына показал, что мальчик родился под счастливой звездой – Меркурий и Венера соединились под скипетром Юпитера, таинственно знаменуя славную будущность новорожденного. Торговля и промышленность, особенно производство шелков и шерсти, давали богатство, силу и знатность гражданам Флоренции. Отец Микеланджело старался направить остальных сыновей по этой дороге, но избранного сына предназначал к более славной деятельности, думая увидеть его когда-нибудь занимающим высшие гражданские должности, быть может должность гонфалоньера (маршала) Флоренции. Так далеки были его мысли от мастерской! В то время как он измышлял средства *исправить* сына, судьба и случай

делали свое. Гирландайо обратил внимание на мальчика и велел ему принести что-нибудь из его рисунков. Робкий и застенчивый от природы, стоял Микеланджело перед знаменитым художником, не смея поднять глаз, ожидая уничтожающих слов. Но удивленный и обрадованный художник увидел в этих несмелых пробах живые проблески таланта. Не желая выказать мальчику своего восторга, он ласково положил ему руку на голову и не сказал ничего, решив про себя, что надо делать.

На следующий день экс-подеста принимал Доменико у себя в доме. Последнему не нужна была рекомендация. Более или менее выдающиеся граждане знали друг друга и, если даже не были знакомы, любезно звали друг друга при встрече «соседом». Разговор вначале представлял обмен любезностями и комплиментами, но угрожал принять совсем другой характер, когда Доменико решительно и ясно высказал цель своего посещения: «Я пришел просить, чтобы вы дали мне сделать из вашего сына прекрасного художника».

Глаза подесты загорелись гневом; одну минуту он способен был броситься на Доменико, так некстати вмешавшегося в его семейную жизнь, но мгновенно эта вспышка сменилась холодным, презрительным равнодушием. В этот миг мы узнаем в нем характер знаменитого сына! Он опустился в кресло и велел позвать Микеланджело. Со странным выражением лица, на котором можно было видеть следы гнева, тайной борьбы и скорби, он смотрел на вошедшего мальчика. Молча, как виноватый, стоял последний перед ним, но не раскаянье, а глухое упорство выражало его лицо. В эту минуту отец понял, что дело зашло далеко, и, взяв перо, стал медленно писать, повторяя написанное вслух: «Тысяча четырехсот восемьдесят восьмого года, апреля первого дня, я, Лодовико, сын Лионардо ди Буонарроти, помещаю своего сына Микеланджело к Доменико и Давиду Гирландайо на три года от сего дня на следующих условиях: названный Микеланджело остается у своих учителей эти три года как ученик, для упражнения в живописи, и должен, кроме того, исполнять *все, что его хозяева ему прикажут*; в вознаграждение за услуги его Доменико и Давид платят ему сумму в 24 флорина: шесть в первый год, восемь – во второй и десять – в третий; всего 86 ливров». Голосом, слегка выдававшим внутреннее волнение, он прибавил: «Теперь потрудитесь уплатить мне 12 ливров в счет платы – вот квитанция». Спустя минуту он остался один.

Чтобы понять смысл борьбы и страданий отца Микеланджело и извинить его упорство, надо заметить, что хотя некоторые художники и пользовались уже тогда значительной славой и уважением, но в общем искусство считалось еще ремеслом далеко не почетным. Не будучи сам глубоким знатоком, отец не думал, что из мальчика, любящего пачкать нос углем, выйдет непременно второй Донателло или да Винчи.

Шаг сделан. Счастливый Микеланджело – в мастерской своего учителя. Заглянем туда вместе с Тэнном: «Мастерская была тогда просто лавкою, а не парадным салоном, как теперь, убранном с одною целью – вызвать побольше заказов. Ученики были тогда работниками, делившими труд и славу со своим мастером-хозяином, а не любителями, которые, расплатившись за урок, чувствуют себя вполне свободными. Мальчик обучался в школе по возможности правильно читать и писать: затем тотчас же, двенадцати или тринадцати лет, он поступал к живописцу, ювелиру, архитектору, ваятелю; обыкновенно мастер-хозяин был

всем этим в одном лице, и юноша изучал под его руководством не один только вид искусства, а все искусство целиком. Он работал за него и на него, исполняя что полегче — фоны картин, мелкие украшения, второстепенные фигуры; он лично участвовал в художественном произведении и интересовался им как своим собственным делом; был сыном и вместе домочадцем-прислужником; его называли созданием, креатурой (il create) мастера. Ел он с ним за одним столом, бегал у него на посылках, спал под ним на нижних полатях и получал от него трепки и головомойки, а иногда пинки и от его жены».

Глава II

Мастерская. – Вилла Кареджи.

Фрески знаменитого Органья, украшавшие хоры церкви Санта-Мария Новелла, испортились от сырости. Фамилия Ричи, имевшая здесь свою усыпальницу, должна была позаботиться о восстановлении прекрасной живописи, писанной в стиле Джотто, но крупная сумма расходов служила препятствием.

Неожиданно Ричи сделано было предложение главою одной из богатейших семей Флоренции, Торнабуони, не только разукрасить заново капеллу, но и восстановить герб Ричи во всем великолепии. Последние охотно согласились, не входя в побуждения Торнабуони, которыми руководило или религиозное рвение, или искание популярности, желание видеть на стенах церкви свои портреты, или, быть может, стремление угодить «Великолепному» Лоренцо Медичи своим покровительством искусству. Вопрос о том, кому поручить эту работу, был разрешен в пользу Гирландайо, который согласился ее исполнить за 1200 дукатов² с добавочным вознаграждением в 200 дукатов, если заказчик будет вполне доволен исполнением.

Микеланджело шел четырнадцатый год, когда в числе других учеников он, в первый же год своего поступления в мастерскую, стал помогать художнику в работе.

Уже раньше он не раз удивлял учителя и товарищей своими успехами, особенно правильностью рисунка и прекрасным копированием гравюр. Не довольствуясь в церкви черной работой подмастерья, юноша тайком копировал картины и в особенности гравюры старых мастеров, которые находил в доме Гирландайо.

Не имея недостатка в собственной фантазии, он нарисовал однажды с натуры леса в церкви вместе с фигурами на них самого Гирландайо, других мастеров и учеников, запечатленных в чрезвычайно живых и естественных позах. Наибольшее удивление возбудил он в самом учителе своей копией с известной гравюры Шонгауэра, изображающей искушение св. Антония. Из этой копии, выполненной в увеличенном масштабе, Микеланджело сделал картину, расписав ее красками. Сюжет заслуживал внимания талантливого юноши, а манера выполнения копии прекрасно характеризует будущего великого художника, его стремление к природе, к живой правде изображения.

Восемь демонов окружают святого отшельника; они оторвали его от земли и унесли так высоко, что только в нижнем углу картины едва виднеется еще край скалы. Они истязают его с дьявольской жестокостью: один вцепился когтями в его волосы, другие отнимают у него священную книгу, рвут одежды и царапают тело, сплетаясь, кружась с ним вместе в хаотическом смятении. «Все животное царство обворовано», чтобы дать чудовищные формы чертям. Здесь видим когти, рога, рыбы хвосты и плавники, волчьи зубы, змеиные жала, клещи, страшные челюсти и т. п. Не довольствуясь оригиналом, Микеланджело ходил на рынки, стараясь изучить живые формы рыб, цвета и оттенки чешуи, и в самом деле изобразил все это на своей картине так, что Гирландайо не мог не воскликнуть, когда она попала к нему на глаза: «Это восходящая звезда!» Говорят, он прибавил, вздохнув, что эта звезда затмит со временем другие, ярко блещущие теперь, думая, очевидно, о себе, и с этого времени настолько стал завидовать будущей